

Надежда Волгина

ЕДИ ТУСЫНЯ,
или
СПАСАЙСЯ КТО МОЖЕТ!

Надежда Волгина

**Леди Гусыня, или
Спасайся кто может!**

«Автор»

2026

Волгина Н.

Леди Гусыня, или Спасайся кто может! / Н. Волгина — «Автор»,
2026

Сначала я прошла через глупую смерть, а потом очнулась в чужом теле. Теперь я графиня — хозяйка ветхого замка, жена умирающего мужа, который уже год не встаёт с постели. Только я медик со стажем и симулянтов чую за версту. И лечить умею по-настоящему — банками, клизмами и зарядкой на рассвете. А ещё у меня есть гуси, которые ведут себя подозрительно. Да и болезный граф явно что-то скрывает. И за глаза меня называют Гусыней. Что ж, тогда спасайся кто может — леди Гусыня взялась за дело!

© Волгина Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Надежда Волгина

Леди Гусыня, или Спасайся кто может!

Глава 1

За несколько секунд, как умерла, я мечтала о сэндвиче с ветчиной, сочными ломтиками помидорки, кружочками соленого огурчика и парочкой листьев салата. И такие сэндвичи у меня ждали своего часа в сумке. И час этот наступил, когда мчались мы на всех парусах через весь город. Да только вот до обеда своего я так и не добралась.

Я только и успела взглянуть на монитор, убедиться, что он выключен, вспомнить о вкусятине в сумке, как наступила темнота. Вернее, наступила моя смерть, как поняла гораздо позже, но не такая, какой показывают её обычно в фильмах. А всё потому что наша карета скорой помощи влетела в грузовик, потому как Пашка-водитель не справился с управлением на скользкой после дождя трассе.

Я плыла в темноте, даже пыталась разгребать её руками, когда она уж слишком клубилась вокруг меня. Правда, самих рук я не чувствовала и не видела, как и ног, собственно. Да я и тела не ощущала, а лишь пустоту и лёгкость. И у меня ничего не болело, хотя, наверное, и нечему было болеть.

Глазам своим не поверила (а были ли у меня глаза?), когда увидела перед собой женский силуэт. Она тоже плыла в клубящейся темноте. И вроде как навстречу мне, а вроде и темнота у нас была разная, словно видели мы друг друга из параллельных вселенных. И кстати, её тело я отлично видела. Вся такая красивая, холёная, с точёными чертами лица и до дрожи холодными глазами. Платье на ней было просто роскошным, совершенно не подходящим для этого места под названием «ничто».

Она меня тоже заметила. В какой-то момент мне даже захотелось помахать ей несуществующей рукой. Но случилось нечто, очень похожее на природный катаклизм, но только узко локализованный. Прямо на голову красотки обрушилась самая настоящая гроза. Только какая-то неправильная. Молнии сверкали не серебряные, а тёмно-фиолетовые, и не раздавалось ни единого звука. А вместо дождя на неё сыпались нити тёмного света, от которых она отмахивалась руками, как безумная.

Молний становилось всё больше, а за «дождём» я уже плохо что могла разглядеть. Но продолжала таращиться на бедолагу во все глаза, размышляя, что её авария будет пострашнее моей. А красотка безмолвно орала, и не от боли, а от ярости, судя по всему.

Одна из молний шарахнула её прямоиком по макушке. Её лицо исказил животный ужас, а от крика я, наверное, оглохла бы, если бы услышала его. И сразу же она исчезла. Осталась я в этой темноте совсем одна.

Подумать о чём-нибудь не успела толком — мощная сила уволокла меня туда, где только что орала красотка. А потом я начала стремительно падать, только не поняла, вниз или вверх. Прежде чем вспыхнул ослепительно-белый свет, и я отключилась, успела подумать, что сервис тут, в загробном мире, так себе, что придётся мне подать жалобу первому встречному ангелу.

Очнулась я от громкого и методичного стука. Каждый удар отдавался в моей больной голове. А болела она так, словно я только что побывала под метеоритным дождём.

— Ваше сиятельство! Ваше сиятельство, вы просили разбудить вас пораньше!.. — голосил где-то за дверью, в которую и ломились, взволнованный женский голос.

Кто это? И что ей нужно от меня? Я собралась сказать это вслух, но из горла вырвался лишь протяжный хрип. Даже странно стало. Не помню, чтобы хоть когда-нибудь так хрипела. Но после всего уже не удивлялась ничему.

Пора было открывать глаза, что я и сделала с некоторой опаской. Взгляд мой упёрся в высокий потолок с резными балками и лепниной по центру. Сколько же трудился бедный скульптор над всеми этими пухлыми ангелочками? — мелькнула шальная мысль. И где потолок моей однушки или хотя бы любой другой привычный мне потолок?

— Ваше сиятельство! — снова принялись ломиться в массивную деревянную дверь, на которую я теперь и смотрела, сидя на огромном ложе под малиновым (ну и безвкусица!) балдахином. А девушка за дверью уже чуть не плакала. Даже жалко её стало, и я уже собралась встать и открыть ей дверь, как увидела то, что должно было быть моей рукой, но таковой не являлось.

Я потрясла перед собой моей-не моей рукой белоручки с тонкими холёными пальцами, одно из которых украшало кольцо явно не с фианитом или цирконием. Куда делись мои натруженные вены и смуглая кожа??? Что это — кома? Не похоже. И на сон не смахивает, слишком уж всё реалистично. Да и голова раскалывается слишком натурально.

— Ваше сиятельство! — всхлипнули за дверью. — Не приказывайте потом пороть меня.

Кто? Я? Это она меня, что ли, зовёт сиятельством? И когда это я кого приказывала пороть?

— Сиятельство, — хихикнула я, вставая с кровати. Изящным ступням я уже даже не удивилась. А вот про дурку мелькнула мысль.

Стоило только сделать глубокий вдох, как я уловила ещё одну странность. В этой комнате, наполненной довольно нелепой и какой-то запущенной роскошью, пахло почему-то сеном и птичьим навозом. Додумать мысль не успела — щеколда на двери не выдержала натиска и отвалилась, а сама дверь распахнулась, впуская светловолосую растрепанную девушку с наспех заплетённой косой, в съехавшем набок переднике и с тазом в руках. Как только всю воду не расплескала?

— Ваше сиятельство, вы уже проснулись? — радостно заверещала она, ставя таз на подставку у окна. — Ой! А вы хорошо себя чувствуете? Вид у вас какой-то...

Я невольно усмехнулась, не зная, как реагировать на всё происходящее. Насчет вида она верно подметила. Хотя, какой у меня вид, я пока и сама не догадывалась.

— Голова немного кружится, — выдавила я не своим голосом, так ничего лучше и не придумав.

— Позвать Марфу? Она вам живо отвар сварганит!

— Нет-нет, не нужно никого звать! — потрясла я головой и тут же поморщилась от боли. — Лучше скажи, где я?

Ответы мне требовались гораздо сильнее, чем отвары какой-то Марфы.

— Как где? — наблюдала я, как вытягивается лицо девушки. — Вы в своей спальне, ваше сиятельство.

Вот же заладила! Сиятельство-сиятельство...

— Ну... я имею в виду... — запнулась я, понимая, что окончательно запуталась. Девушка меня не понимала, а я — её. Какая-то игра в глухой телефон получалась. — Что это за дом? Чей?

Кажется, мой вопрос посчитали не самой удачной шуткой. Девушка неуверенно хихикнула и тут же испуганно прижала ладошку ко рту. А, ну точно! Я же могу её выпороть, если что.

— Ваш дом, конечно же. Замок ваш и его сиятельства.

— Целый замок? — ошарашенно пробормотала я. — Да ещё и мой... А... как меня зовут?

Я прекрасно осознавала, как странно прозвучал вопрос. Оставалось надеяться, что девушка эта глуповата и мою забывчивость спишет на не совсем адекватное состояние и головкружение, а потом и вовсе забудет обо всех странностях. Пока ещё я понятия не имела, как

нужно вести себя. Да что уж там! Я не верила, что именно со мной могло такое приключиться, как и в реальность происходящего не верила пока.

— Ваше сиятельство! — всплеснула руками девушка. — Да вы же!.. Вы графиня Северина Морвейн. Муж ваш... граф Ростислав Морвейн, — она моргнула и затараторила ещё громче. — А может, лекаря позвать? Вот и вчера вы тоже сами не свои были...

— Нет! — громко перебила её я, и она испуганно умолкла. — Не нужен мне лекарь, — уже мягче продолжила. — А тебя как зовут?

— Люся я, ваше сиятельство, — совсем уж затравленно проговорила девушка и попятилась к двери.

Я её прекрасно понимала. Хозяйка, которая не помнит, кто она, что она замужем, как и не знает имени горничной... так себе сочетание. Но на её реакцию, откровенно говоря, мне было плевать. А вот переварить и усвоить услышанное у меня пока никак не получалось.

— Люсь, ты иди, — деланно небрежно махнула я в сторону двери. — А я, пожалуй, ещё немного отдохну.

От моих слов горничная заметно повеселела и за дверь выскочила, как резвая коза. Напоследок бросила что-то про то, что скажет Марфе, чтобы завтрак подавала позже. Но услышала я это вполуха.

Оставшись одна, первым делом я попыталась успокоить себя. Это может быть что угодно. Кома, сон, галлюцинация... После аварии мозг ещё и не такое может выдать.

Я сделала несколько шагов по комнате, прислушиваясь к новому телу. «Нести» его было непривычно. Весу в нём, как и роста, было раза в полтора меньше, чем во мне натуральной. Самой мне оно казалось слишком лёгким, почти невесомым.

Разглядев зеркало в тяжёлой золочёной раме в углу комнаты, я направилась к нему. И увиденное заставило замереть меня на месте. Из зеркала на меня смотрела та самая холодная красавица, которую «сожрала» фиолетовая молния. Только серо-зелёные глаза сейчас не смотрели на меня леденяще, в них застыл ужас, какой я и испытывала.

— Нет! — прошептала я. — Быть такого не может!

На всякий случай я тряхнула головой, и отражение повторило за мной это движение с зеркальной точностью.

Ещё я поняла, что никакой это не сон, иначе почему я так отчётливо чувствую учащённое биение сердца? И кожу свою (гладкую и бархатистую) ощущаю слишком отчётливо под пальцами. Я уж молчу о том, что новая я лет на десять моложе меня прежней.

Я больше не могла смотреть на себя-не себя и принялась изучать комнату. Помимо кровати и зеркала, здесь ещё были тяжёлые бархатные шторы оттенка старого вина, резная мебель из тёмного дерева, туалетный столик, уставленный флаконами и баночками. Всё выглядело чужим, дорогим и очень старым.

За окном раздался резкий гортанный звук, не похожий ни на один, что слышала раньше. Через мгновение звук повторился, но гораздо ближе. Из глубины меня рвался нервный смех. Или мне грозила истерика. Что же получается? Кто-то подарил мне новую жизнь в качестве второго шанса?

Глава 2

Никто за окном больше не горланил, и, сколько я ни всматривалась в мутный и серый рассвет за стеклом, разглядеть ничего не получалось. Во дворе были только гуси, которые и расхаживали деловито, с видом хозяев двора. Просто гуси, птицы. Ничего сверхъестественного в них не было. Хотя... после всего, что уже произошло со мной этим утром, я могла заподозрить сверхъестественность даже в чайнике.

Пора было выбираться из засады, но не могла же я отправиться в путешествие в ночной рубахе, в которую и была облачена. На кресле возле окна я заметила аккуратно разложенную одежду. Видно, Люся приготовила одежду заранее, прежде чем удрала от моих странных вопросов.

— И как, чёрт возьми, мне всё это на себя натягивать? — рассматривала я сложное архитектурное сооружение из шелка и кружева, с крючками на спине, до которых я точно не дотянусь сама при всём желании.

Но выбора у меня не было. После десяти минут борьбы с бесконечными застёжками, тонны ругательств (в основном медицинских, почему-то в стрессовых ситуациях мой мозг подкидывал именно их) и сверхдраматичного момента, когда голова моя застряла в рукаве, кое-как я оделась. Выглядела не идеально, конечно, но вполне себе прилично, чтобы не вызывать лишних вопросов.

Пока приводила себя в порядок, стоя перед зеркалом, заметила, что верхний ящик туалетного столика чуть выдвинут. Как будто его забыли закрыть в спешке. Не то чтобы я собиралась копаться в чужих вещах... Ладно, собиралась, но исключительно с целью выживания во враждебном мне мире. В общем, там я обнаружила симпатичную резную шкатулку. Хранились в ней какие-то украшения (довольно много, должна сказать!), а среди них я разглядела сложенный вчетверо лист бумаги. Исписан он был явно второпях. Буквы насакивали друг на друга, выдавая волнение автора, кем бы он ни был. Разобрать среди этих каракулей получилось лишь несколько слов: "...не получится, если он узнает..." и "...сегодня ночью, наконец..."

Супер! Очередная загадка. Не слишком ли их много на меня одну? Записку я сунула обратно, решив, что разобраться с тайнами прежней хозяйки тела можно и позже. Гораздо важнее было выяснить сейчас более важные вещи: где я, кто я и зачем я здесь.

Сразу за дверью спальни начинался длинный коридор с высокими сводчатыми потолками. Каменные стены были увешаны потемневшими от времени гобеленами. Редкие и узкие окна по обеим сторонам давали совсем мало света. А под ногами хрустел пылью и мусором потёртый ковёр. Если судить по узорам, когда-то он считался, наверное, роскошным. Сейчас же выглядел как тряпка.

Почему-то мне казалось важным выглядеть уверенной, когда шла по коридору. На деле же я просто двигалась на запах свежего хлеба, доносившийся откуда-то снизу. Медицинское чутьё, которое меня редко подводило, подсказывало, что где еда, там и люди. А люди, как ни крути, это источник информации.

Вниз вела широкая лестница. Спустившись по ней и чуть не подвернув ногу на середине пролёта (чужое тело не желало слушаться привычных команд), я оказалась в просторном зале с огромным и явно давно нетопленным камином. Старинные портреты со стен смотрели на меня с молчаливым осуждением, будто я намеренно вторглась на чужую территорию.

Из зала я поскорее удрала и почти сразу же попала на кухню. Показалась она мне тёплой и уютной, в отличие от всего остального холодного и уныло-торжественного, что успела увидеть. У большой печи хлопотала женщина в летах. Фигура у неё была крепкая, руки натруженные, а лицо показалось мне добрым, хоть и усталым.

— Ваше сиятельство! — удивилась она, увидев меня в дверях. — Вы сами спустились? А Люся сказала, что прихворнули вы с утра.

— Мне уже лучше, — ответила я, стараясь говорить естественно. — Захотелось... размяться.

Женщина, судя по всему, была той самой Марфой, о которой упоминала Люся. По её взгляду я поняла, что подозрений не вызываю. Но радоваться ещё было рано, да и нечему.

— Садитесь, раз уж пожаловали, чаю налью. И пирог утренний как раз готов.

Меня усадили за грубо сколоченный кухонный стол. Даже странно. Вроде как не самое подходящее место для графини-то. Но Марфа явно не собиралась со мной церемониться. Наверное, прежняя Северина иногда сюда заглядывала.

— Марфа, скажи, — начала я очень осторожно, пока она наливала чай, — а как дела у... — я замялась, не сразу вспомнив имя моего так называемого мужа, — у его сиятельства? — вспомнила! Граф Ростислав Морвейн. Запомнишь такое сразу, как же!

Марфа вздохнула. Как мне показалось, сделала она это с видом человека, который в сотый раз повторяет одно и то же.

— Всё так же, барыня. Почти не встаёт. Иногда просит открыть окно, чтобы подышать свежим воздухом, но и то редко.

— А... давно он болен?

— Да уж скоро год будет, — поставила передо мной Марфа чашку с чаем. При этом подозрительно на меня посмотрела. — Вам ли не знать, что граф с осени прошлой не встаёт толком. И лекари приезжали, да толку нет. Ничего определённого и сказать не могут.

Целый год? И никакого диагноза??? Это очень странно. За годы работы на скорой я каких только диагнозов не наслушалась. И слова Марфы звучали очень подозрительно. Что-то тут было не то, как подсказывала мне моя чуйка.

— А что конкретно говорят лекари? — подалась я вперёд, испытав прилив профессионального интереса.

Марфе мой вопрос показался то ли странным, то ли неожиданным, судя по её виду.

— Разное говорят, барыня... Вы же сами при последнем осмотре присутствовали. Поди лучше меня знаете.

Ну точно! Выдаю себя с головой. Я ж присутствовала. Вернее, не я, а та, в чьём теле я нахожусь, будь оно, да и она, неладны!

— Да-да, — пробормотала я, отпивая чай, чтобы скрыть замешательство. — Просто... хотела услышать от тебя.

Бросив на меня ещё один подозрительный взгляд, Марфа вернулась к своим делам у печи. Больше она внимания на меня не обращала. Я же осталась сидеть и обдумывать услышанное.

Год. Целый год человек лежит с неопределённым диагнозом, и никто толком не может сказать, что с ним не так. И что-то мне подсказывало, что всё здесь не то, чем кажется. И хочу я или не хочу (а я точно не хочу!), а разбираться в этом придётся. Мне же лучше будет, если выясню всё быстро и безболезненно для себя.

Поставив чашку на стол, я решительно поднялась и проговорила:

— Пожалуй, мне стоит навестить мужа.

Марфа как будто бы удивилась и кивнула как-то нерешительно. Что я такого сказала? Разве не так должна вести себя любая верная жена?

— Давно бы так...

— Что? — не расслышала я.

— Я говорю, хорошее дело, барыня, — сухо проговорила Марфа.

Давно бы так? Вроде как именно это Марфа и сказала. А почему она это сказала? Во мне теперь смешивались тревога и профессиональное любопытство.

Для себя я твёрдо решила, что чтобы ни ждало меня за дверью графских покоев, и если там действительно кто-то болен, я, по крайней мере, смогу оказать ему помощь.

Глава 3

А где, кстати, находятся покои графа? Спросить у Марфы дорогу я и не догадалась. Хотя вопрос "где мне найти собственного мужа?" прозвучал бы подозрительно даже для самой доброжелательной кухарки. А Марфа особо доброжелательной мне не показалась. Поэтому, когда я увидела её, выходящую из кухни с подносом в руках, немедленно спряталась, обрадовавшись как ребёнок. Мгновенно созрел план, который на трезвую голову, пожалуй, я бы вряд ли одобрила.

Я решила проследить за поварихой, не сомневаясь, что направляется она в графские покои! Вот так ничего не подозревающая Марфа стала объектом слежки собственной хозяйки.

Кухарка неспешно двигалась по коридору, а я с видом самого настоящего шпиона крадась за ней. При этом старалась делать вид, что у меня есть очень важные дела. Ну а что, вдруг по пути я ещё кого-нибудь встречу.

Откровенно говоря, шпион из меня получался никакой. Увлечённая преследованием, я дважды чуть не впечаталась в дверной косяк, прячась от кухарки. В третий раз, когда прятаться было некуда, и она вдруг обернулась, мне пришлось сделать вид, что меня крайне заинтересовал гобелен на стене. Благо, Марфа промолчала, хоть наверняка что-то и заподозрила. Если бы пришлось оправдываться, то гордость моя пострадала бы неслабо.

С другой стороны, я же графиня? Графиня! А графини не крадутся по собственному замку за прислугой и ни перед кем не обязаны отчитываться. Мало ли что я делаю в этом коридоре. Кстати, гобелен, которым я якобы заинтересовалась, был довольно красив. Когда-то... Изображена на нём была охотничья сцена с оленем. Правда, глаза оленя от старости гобелена стали совсем белыми и придавали картине жутковатый вид.

Как поняла, находилась я в восточном крыле замка. И выглядело оно гораздо мрачнее других помещений. Окон здесь было гораздо меньше, и выглядели они узкими бойницами. Шторы на них висели грязные и пыльные, нагоняя жути. Уж не здесь ли обитает мой больной муженёк?

Я угадала! Стоило мне только так подумать, как Марфа свернула к массивной двери, обитой тёмным деревом с металлическими вставками. Месторасположение двери я на всякий случай запомнила — была она третья от того самого гобелена.

Прежде чем войти, кухарка деликатно постучала. Кто-то ей явно ответил, но я этого не расслышала. Пора было и мне рассекречиваться, и в покои графа я вошла буквально следом за Марфой. Раздумывать на всякий случай не стала, чтобы не передумать.

Завидев меня, Марфа явно удивилась, но виду не подала. Она просто кивнула, ставя поднос на прикроватный столик.

— А вот и барыня решила заглянуть, ваше сиятельство, — будничным тоном сообщила она графу, который пока ещё от меня прятался за её массивной фигурой.

Да и комната была погружена в полумрак. Тёмные плотные шторы были задёрнуты, пропуская лишь тонкие лучики света. Пахло здесь... чем-то похожим на ромашку и валериану. А ещё тут было ужасно душно. Как же давно эту комнату не проветривали?

Когда Марфа отошла от кровати и вышла за дверь, не посмотрев на меня, я наконец увидела его — графа Ростислава, как его там (опять забыла). Возлегал он на массивном ложе с балдахином, утопая среди подушек.

Скудного света мне всё же хватило, чтобы заметить, как могуч мой муженёк. Даже в лежачем положении угадывался высокий рост, а телосложение его вообще не соответствовало "чахнущему больному". Плечи широкие, руки поверх одеяла крепкие, с выступающими венами. Такие обычно появляются у людей, регулярно занимающихся физическим трудом или спортом. И уж точно не у тех, кто месяцами не поднимается с постели.

Стоило мне только перевести взгляд на лицо графа, как я чётко осознала, что он очень хорош собой. Аж неловко стало разглядывать настолько мужественную мужскую красоту. Тёмные густые волосы, немного отросшие, разметались по подушке. Лицо было бледным, но совсем чуть-чуть. Эта бледность скорее носила благородный характер, нежели болезненный. Но больше всего меня поразили глаза графа. Тёмно-серые, пронзительные... они смотрели на меня из полумрака слишком внимательно и осознанно для человека, которому трудно даже поднять голову. Ну так меня заверили во всяком случае.

— Северина, — голос его прозвучал наигранно слабо, — что привело тебя сюда в такой час?

А в какой такой час? В полуденный? И что в нём особенного? Делаем вывод, что жена заявлялась к нему довольно редко.

— Да вот, решила навестить тебя, — ответила я и шагнула ближе к кровати. — Что в этом странного?

Мне было очень не по себе, даже немного диковато, но я храбрилась как могла. А вот во взгляде графа мелькнула едва уловимая тень подозрения, которую я успела заметить. Сам он тут же спрятал её за утомлённой улыбкой.

— Не странно. Просто... неожиданно.

Я набралась смелости и подошла к кровати вплотную. Теперь я могла рассмотреть его во всех подробностях, с профессиональной предвзятостью. От внимания графа это не укрылось. Он заметно напрягся, явно почувствовав себя объектом изучения.

— Как ты себя чувствуешь? — придвинула я к кровати стул с высокой спинкой и уселась на него. — Опиши симптомы.

— Что? — удивлённо моргнул граф, явно не ожидавший такого вопроса.

— Ну что именно ты чувствуешь?

Он задумался, что тоже показалось мне странным. Забыл выученный текст?

— Слабость. Головные боли. Иногда... тяжело дышать...

Я деловито кивала, а потом уточнила:

— Тяжело дышать когда? При нагрузке или в покое?

— Что? — снова вытянулось его лицо.

— Ну, — я призвала на выручку всё своё терпение, хоть во мне уже и разгорался вовсю азарт диагноста, — тебе труднее дышать, когда ты двигаешься, или когда просто лежишь?

И о чём он задумался на этот раз? Что сложного ответить честно на этот вопрос? Или же он пытается сообразить, какой ответ будет более "болезненным"?

— Когда... двигаюсь, — наконец неуверенно проговорил он.

— Правда? — не сдержала я усмешки.

Развивать мысль не стала. О каких физических нагрузках и болях при них может идти речь, если человек якобы месяцами не двигается?

— Дай мне руку, — потребовала я и, не дожидаясь разрешения, сама обхватила его запястье.

— Зачем? — сделал граф попытку выдернуть руку, но безрезультатно. Я уже успела ухватить её покрепче и прижать пальцы к запястью, привычным, отработанным движением нащупывая пульс.

Кто бы сомневался, что пульс окажется ровным и сильным. Возможно, чуть учащённым, но явно не от болезни, а от того, что владелец его откровенно нервничает.

Граф замер и смотрел на меня с настороженностью и лёгкой паникой.

— Что ты делаешь, Северина? — холодно уточнил он.

Да ладно! К кому-то возвращается самообладание? И голос-то стал каким властным! Но на это я уже не обратила внимания. Всё, что мне нужно было, он уже «рассказал» своим поведением.

— Считаю пульс, Ростислав, — невозмутимо ответила я. — Знаешь, обычно у смертельно больных людей пульс не бывает таким... бодрым.

В комнате повисла тишина. Граф убрал руку и сделал это без всяких усилий. Впрочем, удерживать её я и не собиралась. В его взгляде сейчас читалась тревога. На этот раз не наигранная, а настоящая.

— Ты сегодня какая-то другая, — явно попытался он сменить тему. — Что тебе от меня надо?

Да что б я знала! А вот в его голову захотелось забраться немедленно. Интересно, о чём думал он, когда задавал этот вопрос? И чем была порождена тревога?

Проигнорировав его вопрос, я поднялась со стула. Какое-то время смотрела сверху на крепкого красивого мужчину, который явно был здоров, как бык, но по каким-то причинам внушал всем, что тяжело болен.

— Знаешь, — проговорила я, направляясь к двери, — что-то мне подсказывает, что твоя болезнь — совсем не то, чем кажется.

Оборачиваться не стала, чтобы увидеть выражение его лица. По шороху простыней и судорожному выдоху и так стало ясно, что стрела моя попала точно в цель.

Глава 4

Выйдя из покоев графа, я машинально пошла в правильную сторону. Кажется, ноги запомнили дорогу куда лучше, чем моя голова, занятая совершенно другими мыслями.

Что же я только что наблюдала? Я восстановила в памяти встречу с графом с точностью до секунды. Все свои впечатления принялась раскладывать по полочкам, как привыкла делать с пациентами. Только там было всё понятно — конкретные жалобы, явные симптомы... А тут какие-то обрывки странного диалога и мужское лицо, которое почему-то прочно засело в голове и маячило перед мысленным взором.

Граф был очень красив! Этого я не могла отрицать, даже размышляя о нём беспристрастно. Эти его волосы... Тёмные, блестящие, густые. А взгляд, в котором читался явный ум, ну с некоторой примесью дворянской надменности, конечно. Повстречай я его при других обстоятельствах, возможно...

А что возможно? Да ничего! Не до этого мне сейчас точно! Мои обстоятельства были настолько особенными, что все глупости я обязана выкинуть из головы! И куда как сильнее меня должен интересовать вопрос: почему судя по всему абсолютно здоровый мужчина торчит в кровати вот уже почти год, если верить ему и слугам? Никакой логике это не подчинялось. Допустим, он симулянт. Максимум так притворяться можно месяц, да и то с великой натяжкой. Ну скрывается он... от кого-то или чего-то. Но целый год! Это ж какая выдержка должна быть, насколько продуманная легенда, которую я, к слову, так и не узнала. И чего он так сильно боится? Почему так переполошился, когда я высказала сомнения?

В стрессовых ситуациях мне приходилось наблюдать людей. И отличить настоящую тревогу от наигранной я могла. Так вот граф испугался по-настоящему. Не понятно только, чего.

До своей комнаты я добралась без проблем, как будто всю жизнь только и делала, что бродила по этому мрачному замку. Опустившись на кровать, я обхватила голову руками и задумалась. А подумать мне было о чём.

С каждым часом, проведённым в новом теле, во мне крепла уверенность, что происходящее — никакой ни сон, ни галлюцинации на фоне травмы... Вокруг меня было слишком много реальности. Например, то, как болели мои непривычно длинные и стройные новые ноги после пешей прогулки. Или то, как воняло в покоях графа.

Вывод напрашивался хоть и пугающий, но честный. Я оказалась в ином мире, в чужом теле. В этом мире нет не только телефонов, но и электричества. А на стенах вместо обоев висят пыльные гобелены. Мой муж (вот уж не думала, что скажу когда-нибудь такое!) очевидно побаивается меня. Замок давно нуждается в ремонте. А слуги... Ну пока я видела только двоих, и обе они оказались не особо полезными.

Ситуация, какую обрисовала себе же, показалась мне настолько абсурдной, что я расхохоталась. Мой смех с истеричными нотками неожиданно громко отразился от каменных стен.

Что же мне теперь делать? Как из всего этого выпутываться? Я же даже порядков местных не знаю! Как жить-то здесь?

Записка! Я подскочила и метнулась к туалетному столику. Снова открыла верхний ящик и достала из шкатулки ту самую записку, что нашла утром. Как ни всматривалась в буквы, прочитав больше не получилось.

"...не получится, если он узнает..." "...сегодня ночью, наконец..."

Я перечитала обрывки фраз несколько раз, пытаюсь выцепить из них хоть какой-то смысл. Он — это кто? И про что он узнает? Про болезнь, которой на самом деле нет? Или речь идёт вовсе не о графе?

А сегодня ночью... О какой ночи идёт речь? С кем что-то произойдёт? С той Севериной, чьё тело я заняла? Или со мной в её теле?

Чёрт! Кажется, я сама себя запутала, аж голова снова закружилась. А вопросов становилось всё больше. И ни одного ответа. Горестно вздохнув, я сунула записку обратно в шкатулку.

Я обязана раздобыть как можно больше информации! Но никто пока не торопился делиться ею со мной напрямую. Какие-то намёки, недоговорённости, странности на каждом шагу. Не пора ли прогуляться за пределы замка? Может, так я узнаю больше?

Выход из замка я нашла не сразу. Попытка найти главный зал провалилась. Несколько раз я возвращалась в одно и то же место, пока наконец не набрела на неприметную дверь, которая вывела меня в когда-то, по всей видимости, парк, а сейчас довольно унылое и запущенное место.

Клумбы тут заросли сорняками в человеческий рост. Каменные дорожки покрылись трещинами и заросли мхом. Была тут даже небольшая площадь с потемневшей от времени статуей в центре. Только вот плиты на площади местами просели, а между ними буйно разрослась трава.

А вот за парком я рассмотрела приземистое каменное строение. Выглядело оно относительно ухоженным. Мне даже показалось, что это место осталось единственным в поместье, за которым продолжали следить с должным вниманием. И по характерному запаху и звукам я определила, что это конюшня.

У самых ворот, склонившись над упряжью, стоял мужчина средних лет. Довольно крепкого телосложения, с обветренным лицом и седеющей бородой. Одет он был в простую холщовую рубаху, местами выпачканную землёй. Заслышав мои шаги, мужчина обернулся. Что особенно порадовало, так это что на лице его отразилось куда меньше подозрительности, чем на лицах остальных обитателей замка.

— Ваше сиятельство, — кивнул он так, будто моё появление во дворе было самой обычной вещью. — Гулять изволили?

— Д-да, вот решила прогуляться, — улыбнулась ему я, подходя ближе. — А то... в доме так пусто, не находишь?

Мужчина усмехнулся, повесил упряжь на крюк и посмотрел на меня цепкими подслеповатыми глазами.

— Пусто, говорите? И это ещё мягко сказано, барыня. Раньше, помню, тут людей поболее было, не протолкнуться. А теперь что?.. Я да Марфа остались. Да девчонка эта, Люська. Остальные разбежались и уже давно.

— Разбежались? А почему?

Спросила и тут же готова была откусить себе язык. В попытке раздобыть хоть какую-то информацию, я совершенно забыла, что нахожусь в теле хозяйки этого места, и что кроме меня об этом никто не знает. А начни я кому-то что-то объяснять или доказывать, ещё в психушку загремлю.

Конюх замер на секунду. Рука его, потянувшаяся было за следующей уздечкой, повисла в воздухе. Он посмотрел на меня так, словно пытался оценить степень моей нормальности. Шучу ли я. А если нет, то что, чёрт возьми, на меня нашло.

— Вы же сами, барыня... — начал он осторожно, но тут же осёкся. Медленно кивнул и даже как будто обрадовался. — А, ну да! Вы же, поговаривают, с утра сами не своя. Люська сказывала...

Ах вот как? Люська уже разнесла новость, что хозяйка сегодня странная? Сама не своя, как выразился конюх. Что ж, возможно, так даже лучше.

— Голова и правда немного путается, — сухо подтвердила я. — Так что там с людьми?

Конюх пожал плечами, снова взглянул на меня с некоторой опаской, но всё-таки ответил:

— Кто ж их знает, барыня. С тех пор как барин занедужил, дом будто вымирать начал. Люди суеверные, сами знаете, думают, порчу какую на дом наслали... Вот и разбежались, кто куда.

Прозвучало это не очень убедительно, я даже разочаровалась. Порча? Серьёзно?

— И ты так думаешь? Или нет? — подалась я ближе к конюху. — Тоже веришь в порчу?

На этот раз выдержка подвела его. Конюх нахмурился и сердито бросил упряжь. Выпрямился, глядя на меня уже без прежней снисходительности.

— Странные вещи вы спрашиваете, барыня, — медленно выговорил он, явно тщательно подбирая слова. — Будто в первый раз про это слышите. Хотя вы сами...

И снова он недоговорил. Замолчал и принялся размышлять, а стоит ли продолжать. Я прямо словно видела, как крутятся шестерёнки у него в голове. Так я и не дождалась продолжения.

— Ладно, — решила я сменить тактику, пока он не начал подозревать меня ещё сильнее. — День сегодня и правда странный. Голова совсем не работает. Вот и переспрашиваю обо всём...

Кажется, хитрость моя сработала как надо. Конюх заметно расслабился, хоть и поглядывал на меня с настороженностью. Только к ней сейчас примешивалось ещё что-то похожее на жалость.

— Бывает, барыня, — понимающе кивнул он. — Голова — это дело такое, сегодня своя, завтра будто чужая совсем.

Он даже не представлял, насколько прав. От этой мысли меня снова едва не разобрал нервный смех.

— И всё же, — решила я сделать ещё попытку, — что ты сам думаешь про порчу?

Конюх вздохнул и отставил в сторону упряжь окончательно. Повернулся ко мне с видом, что раз барыня сегодня "не в себе", то можно говорить откровенно.

— Я, барыня, тридцать лет в этом доме служу. Ещё при батюшке вашего мужа начинал. И скажу вам так: порча — это то, что люди придумывают, когда не хотят видеть, что у них под носом творится.

Он произнёс это без всякого драматизма, но смысл, видно, вложил в слова серьёзный. Только вот я не поняла, какой.

— И что же у них под носом творится? — на всякий случай уточнила.

По всей видимости, лимит его откровений я уже исчерпала. На этот вопрос он мне ответил уже знакомо:

— А вы, барыня, будто сами не знаете.

Глава 5

— Что ты имеешь в виду?.. — почувствовала я, как начинаю закипать, но закончить фразу не успела.

Со стороны заднего двора донёсся тот самый крик, какой я уже слышала сегодня утром из окна своей спальни. Противный, резкий и какой-то гортанный. А потом я расслышала какой-то странный топот, как будто много маленьких ног маршировали по каменным плитам. И тут же из-за угла конюшни вывернули... Гуси?! Серьёзно? Они вышагивали своей фирменной гусиной походочкой, покачиваясь из стороны в сторону. Целая стайка белых птиц во главе с крупным гусём с тёмным пятном на крыле прогуливались стройным организованным рядком. А гусь с пятном выглядел так, как будто именно он их всех и выгуливает.

Конюх обернулся на звук с привычной досадой, как мне показалось. Как будто эти гуси надоели ему до чёртиков.

— А, — проворчал он, — вот и гуляки пожаловали.

Заметив нас, птицы резко поменяли траекторию движения и все устремились в нашу сторону. Чем ближе они подходили, тем сильнее меня охватывало беспокойство. Гуси показались мне куда крупнее, чем выглядели на расстоянии. И вид у них был слишком решительный. Они никак не ассоциировались у меня с домашней безобидной птицей. А вот реальный вред причинить вполне были способны, судя по их настроению.

Вожак гусиной стайки вдруг вытянул шею, расправил крылья да как зашипит в мою сторону. Ещё и шагу прибавил. Я отступила на шаг, потом ещё на один. Сердце моё забилося где-то в горле, а это значило, что пульс участился. И какой-то совершенно неуместный, дикий и первобытный инстинкт вдруг заорал во мне дурным голосом: «Беги!»

Я уже была на низком старте, когда меня остановил от бегства голос конюха:

— Барыня?..

Он рассматривал меня с неподдельным удивлением, словно я вдруг стала самой собой, а не кукольной графиней. Гусь тем временем остановился в паре шагов от меня, продолжая злобно шипеть, хлопать крыльями и вертеть головой. Я же уже готова была описаться от страха.

— А он... Он всегда такой агрессивный?! — взвизгнула я не своим голосом.

Конюх только хмыкнул, взял метлу, очень кстати оказавшуюся рядом, и с толикой равнодушия махнул ею в сторону птиц. Те недовольно загоготали и отступили на пару шагов. Но разбежаться даже не собирались, так и продолжали топтаться неподалёку с видом оскорблённого достоинства.

— Гусь как гусь, такой же, как всегда, барыня, — ответил он, и в голосе его я расслышала что-то похожее на лёгкое замешательство. — Вы уж простите, но... не ожидал я, что вы от него шарахнетесь.

— А чего ты ожидал? — продолжала я с опаской коситься на гусей, опасаясь новой атаки.

— Да странная вы какая-то сегодня, — пожал плечами конюх. — Вы же их терпеть не можете. И за метлу хватаетесь раньше меня. А ещё и... бранитесь так, что я даже повторить не могу при вас, совестно.

— Да? — почесала я затылок и выпрямила спину.

Вот значит как я должна себя вести? Гонять гусей по двору метлой? Опростоволосилась я значит в очередной раз.

— Голова сегодня совсем не моя, — пробормотала я, стараясь говорить убедительно. — Вот и эти противные гуси страшилами показались, — криво усмехнулась. А внутри меня всё продолжало дрожать от страха. Самой смешно стало — испугалась каких-то гусей.

Конюх издал короткий смешок, явно принимая моё объяснение. Правда озадаченность из глаз его никуда не делась.

— Бывает, барыня, бывает, — пробормотал он, снова отгоняя метлой гусей в сторону. На этот раз они соизволили отойти подальше, недовольно гогоча себе под нос. — Шли бы вы в дом, что ли, барыня. А то... прохладно что-то становится.

Это он меня так прогоняет, что ли? Никакой прохлады я не замечала. Солнце напротив палило с удвоенной силой. А вот разговаривать со мной и дальше кое-кто не собирался по всей видимости. Но внимание на этом я решила не заострять. Да и разговор наш, судя по всему, подошёл к концу.

— Ну спасибо тебе за компанию, — кивнула я. — Пошла я... в дом.

Конюх снова принялся за упряжь, а я медленно побрела к дому, косясь на гусей. Те расположились неподалёку и в свою очередь косились на меня. Бежать я боялась, а ну как погонятся следом. А потому шла, как хотелось верить, с чувством собственного достоинства. Только как же я была рада скрыться в доме. И какое-то время так и стояла в темноте, прижимаясь спиной к двери.

Я стояла и думала, что мой личный список несоответствий растёт. Гусей я не ненавижу, а боюсь. Вопросы задаю, на которые и сама должна знать ответы. Да и в целом веду себя странно. Если так и дальше пойдёт, то расколют меня быстрее, чем я ожидаю. И чем мне это грозит? Ну если не костром, то точно психушкой.

Тут ещё и желудок предательски вякнул, напоминая о себе голодным спазмом. Всё правильно! За сегодня во мне осели только чашка чая да крохотный кусок пирога. А тем временем уже сгущались сумерки. Даже работая на скорой, я старалась питаться по расписанию. И изменять своим привычкам не собиралась. Как медик, я знала, что калорийное и полноценное питание — основа здоровья организма. Не знаю, что там ела прежняя хозяйка этого тела, но если придётся его ей возвращать (в чём я очень сильно сомневалась!), то получит она его в целости и сохранности, да ещё и изрядно посвежевшим. Если, конечно, меня не сожгут раньше.

Грустно вздохнув, я побрела в сторону кухни. Плутать на этот раз не пришлось — очень быстро я наткнулась на знакомый коридор, который и вывел меня к той самой двери, из которой утром вышла Марфа с подносом.

На кухне царил такая смесь ароматов, что у меня моментально закружилась голова. Пахло тушёными овощами, точно мясом и тёплым хлебом. Марфа над чем-то колдовала у большой печи, лихо орудуя деревянной ложкой в котелке. На звук моих шагов она обернулась, и на лицо её сразу же напозло сдержанно-вежливое выражение. Я ещё раньше поняла, что Марфа Северину недолюбливает, а сейчас осознала, что это ещё мягко сказано. Скорее, она терпит хозяйку по долгу службы.

— Ваше сиятельство, — слегка склонила кухарка голову. Я же почему-то вспомнила, с какой теплотой в голосе она сегодня разговаривала с графом. — Изволите обедать?

— Да, если можно, — постаралась я проговорить непринуждённо. Но от её тона мне стало сильно не по себе, даже захотелось поёжиться, хоть на кухне и было довольно жарко.

Марфа молча кивнула и принялась накладывать в миску похлёбку из чугунка. Всё проделывала быстро, умело, но так равнодушно, что я испытала приступ настоящей хандры. Видно, никто в этом запущенном поместье не привязан к Северине. И возможно, она не пример для подражания, но мне почему-то стало её жаль. А точнее, жалко мне стало себя.

Я ждала, сидя за столом. Всё так же молча Марфа поставила передо мной деревянную миску, источающую обалденный аромат с примесью каких-то незнакомых мне трав. И когда я попробовала похлёбку, то на какое-то время забыла обо всём остальном, до такой степени вкусной она мне показалась.

Несколько минут прошли в тишине. Я уплетала похлёбку, а Марфа вернулась к своим делам. К болтовне она явно не была расположена. Мне же отчего-то подумалось, что такие отношения у прислуги с хозяйкой установились уже давно. Ты меня не трогаешь, я — тебя. И обеих это устраивало. Эдакая привычная вежливая дистанция.

Мне ещё сильнее захотелось как можно больше выяснить про жизнь прежней Северины. Кто она такая? Чем занималась? Как вела себя? Почему даже добродушная на первый взгляд кухарка держится с ней (со мной) настолько холодно?

— Марфа, — заговорила я, когда утолила первый голод. — Тебе не тяжело одной управлять почти со всем хозяйством?

Кухарка посмотрела на меня с удивлением. Понятно — такого вопроса она никак не ожидала от Северины.

— Как-то справляюсь, ваше сиятельство, — отозвалась она довольно сухо. А потом словно не удержавшись, добавила: — Раньше, конечно, полегче было. Когда барин ещё сам хозяйство вёл, да дом полон людей был...

А вот Ростислава она любила. Стоило только заговорить о нём, как и лицом кухарка поменялась, и в голосе появилась мягкость. Та самая, которую я уже слышала сегодня утром.

— А ты давно его знаешь?

Я очень постаралась, чтобы вопрос прозвучал естественно, как продолжение разговора. И, кажется, у меня получилось не вызвать новых подозрений. А возможно, Северина просто никогда не заговаривала с Марфой на эту тему.

— Почитай всю жизнь, — неожиданно улыбнулась кухарка. И это была её первая улыбка с момента нашего знакомства. — Я ещё его отца, покойного графа, помню. А уж молодого барина и вовсе с пелёнок нянчила, пока ему не наняли другую няньку.

Тёплые нотки из голоса Марфы испарились как по волшебству, стоило ей только перевести взгляд обратно на меня. Будто теплота это предназначалась исключительно графу и ни в коем случае не должна была распространяться на его жену.

— А меня... ты как хорошо знаешь? — рискнула я всё же уточнить. Уж очень мне хотелось выяснить природу её холодности.

Какое-то время Марфа молчала и посматривала на меня так, что даже зародилась надежда услышать что-то важное. Но потом она пожала плечами и отвернулась обратно к печи.

— Достаточно знаю, ваше сиятельство, — коротко проговорила.

И всё?! Это же не ответ... В нём столько недосказанного, что меня разобрала злоба. Захотелось шарахнуть по столу кулаком и выкрикнуть: «Что значит достаточно?! Значит ли это, что ты ни хрена меня не знаешь? Или ты знаешь обо мне что-то такое, о чём боишься заговорить?!»

Кое-как я доела похлёбку в полной тишине кухни. Ещё сложнее было совладать с собственными эмоциями и не сорваться на кухарке. И это мне было не свойственно. Видно, часть души Северины всё же осталась в её красивом теле и сейчас отравляла мою собственную не замутнённую ничем таким душу.

Я всё же нашла в себе силы поблагодарить Марфу за ужин, на что она лишь молча кивнула, не глядя на меня. Из кухни я вылетела пулей, чтобы не закипеть окончательно.

Глава 6

К наступлению темноты устала я так, словно не по замку бродила, а вагоны разгружала. Ещё и это чужое тело плохо слушалось команд моего мозга. Ноги, непривычные к старомодным жёстким туфлям, гудели. Юбка платья казалась тяжелой. А голова пухла от всего того, что услышала сегодня и о чём передумала. Хотелось тупо рухнуть на кровать и вырубиться на пару часов, чтобы забыться.

Люся заявила в мои покои как раз когда я собиралась осуществить задуманное. В руках девушка держала подсвечник с тремя свечами, что было кстати — в потёмках я уже ничего не видела, а как раздобыть свет, ума не прилагала.

— Ой, а чего же вы в темноте сидите, ваша светлость? — ахнула служанка.

— Что б я знала... — механически буркнула я себе под нос.

— Что? — поставила Люся подсвечник на стол. — Раздеться желаете, ваша светлость?

Ответить я не успела — Люся уже принялась ловко расшнуровывать корсет на моей спине.

— О да! — не сдержала я блаженного взгласа, когда удавка на мне расслабилась, позволяя расправиться лёгким. — Спасибо, Люся! — улыбнулась я почти счастливо, сама себе поражаясь, как мало мне стало нужно для счастья.

Пока Люся помогала мне освободиться от многослойного платья, я решила поприставать к ней снова с вопросами.

— Какой же огромный этот замок, — сказала я так, словно просто размышляла вслух. — В восточном крыле... там, кажется, половина комнат заперта? — посмотрела я на служанку.

Занята Люся была тем, что помогала мне снимать не менее пышную нижнюю юбку. Она лишь на секунду замешкалась, а потом вполне охотно ответила:

— Ой, барыня! Так почитай, всё восточное крыло заперто, да и половина комнат западного тоже. Открыты только ваши покои, его светлости да ещё пара гостевых комнат. Хотя гостевые зачем, не понимаю. Гостей я тут отродясь не видывала.

— Люся, а почему комнаты заперты? — напустила я на себя строгости. На всякий случай.

— Так... убирать-то некому, барыня, — испугалась Люся и принялась ещё усерднее развешивать на спинке стула моё платье. — Раньше тут, говорят, было аж пять горничных, а теперь вот одна я... за всем домом... И как мне за всеми комнатами уследить? Не успеваю я, барыня, — с мольбой в глазах смотрела на меня служанка. Кажется, она боялась, что я её поколочу сейчас. — Вот и позакрывали те, что без надобности. Чтоб хоть пыль оттуда зря не разносило.

Да пыли тут и без того хватает. Даже открытым комнатам не помешала бы влажная уборка. А то дышать же нечем, кроме пыли!

— А насколько там всё... плохо? — невольно понизила я голос, как будто кто-то мог нас услышать. — В закрытых комнатах.

Люся задумалась ненадолго, а потом пожала плечами и проговорила:

— Думаю, что плохо, барыня. Правда, сама я давно туда не заглядывала. Прошлым летом, например, в голубой гостиной, что на втором этаже западного крыла, потолок обвалился прямо посреди комнаты. Благо, пустовала она уже тогда, никого не пришибло. А в некоторых комнатах пол совсем прогнил. И ходить по нему опасно — того и гляди провалишься...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.